

О численности населения Чечни в июле 1999 г. (к началу нового кавказского конфликта)

В последние месяцы фактически официальной правительственной оценкой численности населения Чечни до начала нового конфликта стала 350 тыс. жителей (из которых 300 тыс. — чеченцы и 50 тыс. — другие национальности). Представители российского руководства неоднократно выступали с заявлениями, что большинство чеченцев Чечни в настоящее время проживает за пределами Чеченской республики.

Например, в одном из своих ноябрьских интервью заместитель руководителя администрации президента Шабдурасулов сказал: “Сегодня за пределами республики, в России, проживает больше 750 тысяч чеченцев. В самой республике, по разным оценкам, от 150 до 200 тысяч осталось, и те, кого мы называем “вынужденные переселенцы” — это тоже порядка 100-150 тысяч”. Получается, что в Чечне к августу 1999 г. оставалось примерно 300 тыс. чеченцев, а в 90-е годы до августа 1999 г. из республики в другие регионы РФ выехали 500-550 тыс. чеченцев (так как в 1989 г., по данным переписи, в РСФСР за нынешними пределами Чечни проживало менее 180 тыс. чеченцев).

Председатель правительства Путин сделал недавно такое заявление: “Мы готовы к политическому сотрудничеству и с теми гражданами Чечни, которые выехали за последние годы с территории Чеченской республики, а их, напомним, 220 тысяч русских и 550 тысяч чеченцев”. В 550 тыс. чеченцев, очевидно, не включены те, кто стали беженцами с августа 1999 г. (ибо слово “выехали” не применимо к этому исходу).

Нынешнюю численность чеченской общины в Москве порой оценивают в 100 тыс. чел. (для сравнения — перепись 1989 г. учла 2,1 тыс. чеченцев, постоянно живших в Москве).

Данные оценки количества эмигрантов из Чечни и оставшегося в ней населения в настоящее время используются уже не только чиновниками, занимающими высокие посты в Кремле и Белом Доме. Они “проникли” и на более низкий уровень; стали оказывать влияние на принятие решений по конкретным вопросам и даже используются в политической борьбе в России.

Например, военные руководители и “начальник Чечни” Кошман выступали с заявлениями, что, мол, число беженцев в Ингушетии значительно завышается. 12 ноября на пресс-конференции Кошман сказал, что по оперативным данным население Чечни не превышает 350 тыс. чел.; в трех освобожденных районах (Наурском, Шелковском и Надтеречном) насчитывается 120 тыс. жителей; а это означает, что в Ингушетии вряд ли может быть больше 200 тыс. беженцев — ведь тогда получалось бы, что на занятой боевиками территории Чечни почти никого не осталось. Различные пропагандисты утверждают, что некие противники правительства или представители “пятой колонны” внешних врагов России создают “иллюзию гуманитарной катастрофы”, искусственно завышая число беженцев из Чечни (правда, обвиняя кого-то в “искусственном

завышении” до 200 тыс. числа беженцев, некоторые из этих пропагандистов одновременно рассказывали, как эффективно решает проблемы если не 200 тыс., то по крайней мере 170 тыс. беженцев министр по чрезвычайным ситуациям Шойгу).

Приводимые ниже выкладки, основанные на официальных данных, позволяют прийти к выводу, что население Чечни перед началом новой войны было намного больше 350 тыс. человек. Весьма вероятно, что оно превышало 3/4 млн. (и оценка числа беженцев в 200 тыс. не кажется поэтому удивительной). И данное обстоятельство надо учитывать при принятии конкретных решений. Не хотелось бы, чтобы российские руководители вновь сталкивались с необходимостью решать проблемы, вызванные их неверными оценками. Ведь даже если новых беженцев из Чечни пока что меньше 200 тыс., то все равно их уже сейчас в несколько раз больше, чем предполагали российские руководители.

Данные переписи 1989 г. о населении Чечено-Ингушской АССР

В 1989 г., по официальным данным переписи, в ЧИАССР было 1.275,5 тыс. чел. наличного населения и 1.270,4 тыс. — постоянного населения. В российских статистических ежегодниках не публикуется сведений о том, сколько из них проживало на территории современной Чечни, а сколько — на землях Ингушетии. Это вполне понятно — с учетом того, что официальная демаркация чечено-ингушской границы до сих пор не осуществлена. Однако на основе данных, публиковавшихся Госкомстатом в 90-е годы, можно определить, что по официальным сведениям численность постоянного населения районов Чечни в 1989 году была примерно 1.084 тыс. чел., а районов Ингушетии — 186 тыс. Это означает, что к Ингушетии Госкомстат относил, помимо Назрановского и Малгобекского районов, еще и весь Сунженский район ЧИАССР. Однако фактически значительная часть бывшего Сунженского района ЧИАССР принадлежит Чечне; в частности, два его крупных населенных пункта — Серноводск (8 тыс. жителей в 1989 г.) и Ассиновская (6,9 тыс.). Можно предположить, что численность населения районов ЧИАССР, фактически принадлежащих в настоящее время Ингушетии, в 1989 г. не превышала 170 тыс. чел., а нынешних земель Чечни была немногим более 1,1 млн. чел.

При публикации результатов переписи 1989 г. были приведены данные о национальном составе лишь постоянного населения СССР и отдельных регионов (правда, наличное население ЧИАССР ненамного превысило постоянное). В соответствии с ними из 1.270,4 тыс. жителей АССР 734,5 тыс. были чеченцами, 163,8 тыс. — ингушами, 293,8 тыс. — русскими, 14,8 тыс. — армянами, 12,6 тыс. — украинцами. Число восточных славян в ЧИАССР в 70-80-е гг. уменьшалось стремительными темпами: в 1970 г. русских и украинцев было, по данным переписи, 379,6 тыс., в 1989 г. — 306,4 тыс. Это являлось составной частью общего процесса уменьшения численности славянского населения в нескольких южных республиках, вызванного, в частности, такими

факторами, как относительная перенаселенность этих земель и неприязненное отношение многих “туземцев” к “европейцам”.

Данных о национальном составе населения территорий, фактически принадлежащих в настоящее время Чечне, за 1989 г. нет. Из тех 1.084 тыс. жителей, которые Госкомстат отнес к Чечне, примерно 715 тыс. были чеченцами, 25 тыс. — ингушами, 269 тыс. — русскими. Это означает, что с учетом жителей восточной части бывшего Сунженского района ЧИАССР и с учетом того, что наличное население более чем на 4 тыс. чел. превышало постоянное, на нынешней территории Чечни в 1989 г. проживало примерно 755-760 тыс. вайнахов.

Помимо вайнахов, в 1989 г. в Чечне жило несколько десятков тысяч представителей других мусульманских народов. В 1989 г. в ЧИАССР было зарегистрировано, в частности, 23 тыс. кумыков, ногайцев и аварцев (в подавляющем большинстве — сельские жители) и 5,1 тыс. татар (в основном — горожане). Подавляющее большинство представителей этих народов жило в Чечне.

Современные данные о численности населения Чечни.

Для того, чтобы усомниться в правильности сведений, приводимых ныне высшими российскими руководителями, достаточно просто заглянуть в “Российский статистический ежегодник” за 1998 г. Там есть, например, такие данные:

Численность наличного населения Чечни и Ингушетии (в тыс.ч., на 1 января каждого года):

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Чечня	1275	1290	1307	1308	1307	1079	974	921	813	797
Ингушетия						211	280	300	309	313

Надо отметить, что с численностью населения Ингушетии много неясного. А вопрос о числе обитателей Чечни может напрямую зависеть от количества жителей Ингушетии. Если бы, как это следует из оценок Госкомстата, в 1998 г. в Чечне и Ингушетии жили в общей сложности 1.110 тыс. чел., то это означало бы, что численность населения Чечни в середине 1999 г., возможно, была близка к 900 тыс. чел. Потому что в настоящее время на территориях, фактически входящих в Ингушетию, вряд ли может проживать более 220-230 тыс. чел. помимо новых беженцев из Чечни: число постоянных жителей районов, фактически входящих в Ингушетию, не может превышать 190-195 тыс. (с учетом уменьшения естественного прироста в 90-е годы и эмиграции из республики); добровольная иммиграция в Ингушетию из других регионов РФ и стран СНГ в 90-е годы не превысила нескольких тысяч (в 1989 г. в СССР за пределами ЧИАССР и Северной Осетии было зарегистрировано 41 тыс. ингушей; часть их вернулась на родину); а общее количество беженцев из

Северной Осетии-Алании, находящихся до сих пор в Ингушетии, и беженцев из Чечни, оставшихся в Ингушетии после первой чеченской войны, составляет, по разным оценкам, 17-35 тысяч.

[По данным Федеральной миграционной службы (ФМС), на 1 января 1999 г. в Ингушетии на учете состояло 34.983 беженца. 10 ноября на пресс-конференции в Москве Аушев заявил, что общее число беженцев из Чечни и из зоны осетино-ингушского конфликта в Ингушетии достигает 201.258 чел. В том числе беженцев из Чечни — 184.430. По другой интерпретации 184.430 — это только лишь те, которые “оказались на территории Ингушетии в результате последней чеченской кампании”. (“Новые известия” и “Независимая газета” за 11 ноября). Это означает, что в Ингушетии — примерно 17 тысяч то ли беженцев из Осетии, то ли вместе взятых беженцев из Осетии и “старых беженцев” из Чечни. Если исходить из данных, приведенных Аушевым 22 ноября в программе “Герой дня”, то речь должна была бы идти о втором варианте].

Столь высокая оценка числа жителей Ингушетии в 1998 г., как 313 тыс., могла образоваться разве что за счет учета в составе населения Ингушетии жителей чеченской части бывшего Сунженского района ЧИАССР; а также за счет того, что из населения Ингушетии “забыли” вычесть несколько десятков тысяч беженцев первой чеченской войны, вернувшихся после окончания военных действий в Чечню.

Российские статистики (основываясь непонятно на чем) публикуют весьма подробные данные о населении Чечни. Например, о распределении численности постоянного населения по полу и основным возрастным группам на 1 января 1998 г. :

	всего	мужчин	женщин	молode трудоспособного возраста	трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
Чечня	792488	362297	430191	265768	417962	108758

Конечно, сама по себе точность данных (до 1 человека) нереалистична; было бы неплохо, если бы эти сведения соответствовали действительности хотя бы с точностью до 10 тысяч. Но в целом поло-возрастная структура населения Чечни выглядит более или менее правдоподобно. Значительная нехватка мужчин в Чечне (очевидно, прежде всего тех, кто — в трудоспособном возрасте) является, конечно, результатом не столько военных потерь, сколько того, что среди чеченцев, живущих постоянно или временно вне Чечни, мужчин намного больше, чем женщин.

То, что в Чечне, несмотря на выбытие подавляющего большинства “европейцев”, оставалось к началу нового конфликта не менее 750 тыс. жителей, представляется вполне вероятным и может быть подтверждено следующими выкладками.

По данным переписи 1989 г., на нынешней территории Чечни проживало примерно 755-760 тыс. вайнахов и более 30 тыс. представителей других мусульманских народов. Возможно, общая численность мусульманских народов Чечни достигала 800 тыс. На протяжении послевоенного времени численность советских южных мусульманских народов увеличивалась со скоростью, существенно превышавшей в среднем 2% (а зачастую и 3%) в год. Например, по официальным данным переписей, число вайнахов в СССР увеличилось в 1979-89 гг. на 27%.

В 90-е годы показатели рождаемости и естественного прироста мусульманских народов РФ (особенно — южных) также очень сильно отличаются от показателей восточных славян. У славян ежегодно число смертей почти на 1 млн. превышает число рождений. У мусульман же отмечается значительный естественный прирост, хотя и не столь большой, как в прежние времена. Естественный прирост мусульманских народов Чечни (превышение рождаемости над тем уровнем смертности, который был бы, если бы не гибель населения в результате военных действий) наверняка превысил за 1989-99 гг. 15%; вполне вероятно, он достиг 20%. В абсолютных показателях естественный прирост мусульманских народов Чечни составил не менее 120 тыс.; скорее он был близок к 150 тыс. чел. Соответственно, если бы не было военных потерь и эмиграции, то численность мусульманских народов Чечни летом 1999 г. могла быть близка к 950 тыс.

Военные потери среди них наверняка не превысили 10-12 тыс. убитыми (включая как боевиков, так и мирных жителей). Повышенная смертность среди мусульманских народов Чечни от ухудшения условий жизни в результате войны 1994-96 гг. и ее последствий вряд ли превысила 20-30 тыс.

Конечно, эти оценки своей “незначительностью” могут вызвать удивление у некоторых читателей, привыкших к заявлениям о 100 тыс. жителей Чечни, погибших в войне 1994-96 гг. Поэтому надо напомнить, что оценки в 80-120 тыс., используемые с 1996 г., ничем не обоснованы, а помимо них существует еще и оценка в 20 тыс.

Российские военачальники определяли число убитых боевиков более чем в 18 тысяч. Но надо учитывать, что чеченцы оценили свои потери как немногим более 1 тыс. убитых, а российская армия имеет давнюю традицию значительного преувеличения боевых потерь противника (например, во время русско-турецких войн такое преувеличение измерялось порой десятками раз). Конечно, чеченские оценки в данном случае выглядят заниженными, но все же число убитых боевиков, вполне вероятно, не достигло 5 тыс.

При штурмах, обстрелах и бомбежках станиц и аулов число погибших мирных жителей (если таковые вообще были) измерялось в каждом случае единицами или десятками. Очевидно, большинство потерь мирного населения пришлось на жителей Грозного. При этом, во-первых, не факт, что число убитых там превысило 10-15 тысяч; во-вторых, во время боев в городе пострадало прежде всего население центральных кварталов Грозного, среди жителей которых доля

европейцев и представителей других немусульманских народов в конце 80-х годов достигала 70-75% (доля чеченцев и ингушей в постоянном населении Грозного в 1989 г. составляла лишь 35,9%; в то время как на восточных славян, армян и евреев приходилось 60,1%).

[Насколько мне известно, до сих пор была предпринята лишь одна попытка оценить число жителей Грозного, погибших там во время боев в 1994-1995 гг. В первые месяцы 1995 г. члены Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций (более известной как “группа Ковалева”) провели опрос 265 семей беженцев из Грозного, в ходе которого опрашиваемых просили сообщить о достоверно известных им случаях гибели родственников (прямых и двоюродных) и знакомых во время боев в городе. На основе собранной информации был сделан вывод о гибели в Грозном 25-29 тыс. мирных жителей.

Однако оценка, полученная по примененной методике, не может быть признана сколь-нибудь точной. Например, если при опросе 200 человек мы получаем данные о гибели в Грозном 13 их родственников, то как мы можем адекватно экстраполировать этот результат на все население города? Мы ведь не знаем точно: 1) сколько всего их прямых и двоюродных родственников проживало в Грозном — 500 или, скажем, 5.000; а члены одной чеченской семьи часто имеют несколько сот прямых и двоюродных родственников; 2) насколько достоверными были сведения о судьбе всех этих родственников, имевшиеся в распоряжении опрошенных; 3) насколько правдивыми были ответы опрошенных.

Тем не менее других оценок не было — в январе 1996 г. заместитель секретаря Совета Безопасности РФ В.Рубанов заявил в интервью корреспонденту “Интерфакса”, что государственные органы таких оценок не делали, и сослался на выводы группы Ковалева. А вскоре после этого интервью некоторые общественно-политические деятели России стали говорить, что, мол, официальные лица, как всегда, сильно занижают число погибших мирных жителей. Тогда и были пущены в оборот оценки на уровне 100 тыс. погибших. Весной 1997 г., во время подготовки российско-чеченского договора, когда обсуждался вопрос о возможной сумме компенсаций Чечне за причиненный ущерб и за людские потери, отдел демографической статистики Госкомстата РФ также не смог найти никаких других оценок, кроме данных группы Ковалева. И на основе их был сделан вывод о 30-40 тыс. погибших. Многие правозащитники, понимая всю возможную неточность подобных оценок, предпочитали формулировки типа “менее 50 тыс. погибших”.]

Таким образом, если бы не эмиграция, то численность мусульманских народов Чечни в 1999 г. была бы около 900 тыс. чел. Или немного больше. Даже если использовать более высокие оценки военных потерь, итог мало изменится.

Есть разные данные о том, сколько осталось в Чечне “русскоязычного населения”. Московские авторы дают оценки и в 20, и в 50 тысяч. Масхадов

говорит, что “русское население” Чечни (вряд ли Масхадов относит армян или грузин к “русскому населению”) составляет 100 тыс. чел. (“Независимая газета”, 1 октября). В 1989 г. в Чечне жило около 285 тыс. славян. Из 147.232 вынужденных переселенцев из Чечни, зарегистрированных ФМС на 1 января 1999 г. (при этом в 1998 г. таковых зарегистрировано 13.007), примерно 110-115 тыс. были славянами. Однако большое число славян и людей других национальностей, вынужденных покинуть Чечню (особенно тех, кто сделал это до 1995 г.), не попало в статистику ФМС. Так что остается только гадать, сколько же осталось в Чечне представителей немусульманских народов. Но в целом получается, что если бы не было эмиграции мусульман, то число обитателей Чечни летом 1999 г. находилось бы где-то в интервале 900 тыс. — 1.050 тыс.

В 70-80-е годы из ЧИАССР эмигрировали не только европейцы, но и вайнахи. Из данных переписей следует, что в 1979-89 гг. нетто-эмиграция вайнахов из ЧИАССР могла составить тысяч 50. (И в результате в 1970-89 гг. число чеченцев, постоянно живших в Ставропольском крае, возросло в 3,4 раза, в Астраханской области — в 5,5 раза, в Ростовской области — в 6,8 раза, в Волгоградской области — в 13,7 раза, в Тюменской области — в 33,7 раза. В этих 5 регионах число постоянно живших чеченцев выросло в 1970-89 гг. с 9,3 тыс. до 55,8 тыс., т.е. в 6 раз.).

А вот насколько велика была эмиграция из Чечни вайнахов в 1989-99 гг. — это очень большой вопрос. “Коммерсант” (за 2 октября) приводит слова “председателя законодательной палаты чеченского парламента созыва 1996 года” Алаудинова о “500 тысячах покинувших республику чеченцев” (непонятно, правда, за какой период покинувших; ибо в 1989 г. в СССР за нынешними пределами Чечни проживали более 230 тыс. чеченцев, в том числе более 170 тыс. — в РСФСР; а с учетом естественного прироста и волны беженцев в августе-сентябре 1999 г. было бы достаточно эмиграции из Чечни с 1989 г. до лета 1999 г. 100-120 тыс. чеченцев, чтобы можно было говорить о “500 тысячах покинувших республику чеченцев”). Путин говорит о 550 тыс. чеченцев, покинувших Чечню “за последние годы”.

Вполне понятно, почему используются столь высокие оценки числа чеченцев, эмигрировавших за последние годы из Чечни. В этом случае можно было бы представить лидеров, избранных на съездах чеченской диаспоры, в качестве “руководителей всех российских чеченцев”, и постараться добиться от них той самой “просьбы чеченского народа об освобождении Грозного от бандитов”, о которой говорили маршал Сергеев и другие. Или же в качестве “руководителей всех российских чеченцев” можно было бы представить тех московских чеченцев, которые уже согласились сотрудничать с федеральной властью. Однако на чем основаны эти удивительные оценки — 500 или 550 тыс. недавно эмигрировавших из Чечни чеченцев? Было бы неплохо, если бы их авторы предложили какое-нибудь разумное обоснование. Скажем, данные о количестве выходцев из Чечни, осевших на постоянное жительство в других регионах РФ, — естественно, с разбивкой этих данных по регионам.

Для справки: из 978.426 вынужденных переселенцев, состоявших на учете ФМС на 1 января 1999 г., чеченцев было 10.995. Причем, вероятно, не все они вышли из Чечни. За 1998 г. в качестве вынужденных переселенцев было зарегистрировано 2.026 чеченцев.

Не исключено, конечно, что эти 500-550 тыс. — не совсем выдуманные оценки, а нечто вроде сводки данных местных чеченских общин. Ну так в этом случае надо учесть склонность представителей многих народов к значительному преувеличению как общего числа своих соплеменников, так и в особенности численности общин в диаспоре. Поэтому все эти утверждения о том, что число чеченцев, живущих на территории РФ вне Чечни, составляет 3/4 млн. (не считая последней волны беженцев), что в Москве, якобы, уже сейчас проживают 100 тысяч чеченцев и т.д., выглядят не слишком реалистичными. Все-таки переселение чеченцев с территории Чечни в другие регионы РФ тормозилось в последние годы тем обстоятельством, что как власти, так и местное население рассматривали их в качестве “иностранцев”, причем весьма враждебных.

В целом же можно отметить, что исчерпывающих данных о числе переселенцев из Чечни в другие регионы РФ нет; перепись населения, на основе которой можно было бы оценить примерное количество мигрантов, российские правители решили не проводить в 1999 г. Мне не известны никакие документы, подтверждающие нынешние оценки российских руководителей. Максимально возможной представляется оценка в 150 тыс. чеченцев и ингушей, эмигрировавших из Чечни в другие регионы РФ начиная с 1989 г. и до августа 1999 г. (эмиграция из Чечни в другие страны измерялась очень немногими десятками тысяч). Поэтому я и предполагаю, что в Чечне к августу 1999 г. было не менее 750 тыс. жителей.

Кстати, вышеупомянутое заявление Кошмана (о том, что в трех освобожденных районах Чечни насчитывается 120 тыс. жителей) в некоторой степени подтверждает предположение о том, что до начала нового конфликта обитателей Чечни было не меньше 750 тыс. Ведь в 1989 г. в Наурском, Шелковском и Надтеречном районах было зарегистрировано 127,1 тыс. наличного населения. К 120 тысячам, о которых говорил Кошман, надо добавить беженцев новой войны, пребывавших 12 ноября в Ингушетии и других местах. Кроме того, по сообщениям СМИ, тысячи или десятки тысяч жителей контролируемых “федералами” земель находятся в настоящее время по ту сторону линии фронта. В общем получается, что в начале августа 1999 г. население трех упомянутых районов могло быть больше, чем в 1989 г.

Надо иметь в виду, что недооценка числа обитателей Чечни может вызвать вполне конкретные негативные военные и политические последствия (помимо уже упомянутой недооценки количества беженцев). Например, военные руководители демонстрируют уверенность в том, что на не контролируемой “федералами” территории Чечни осталось очень мало жителей, среди которых, однако, десятки тысяч боевиков. А это может привести к тому, что летчики и другие военнослужащие из российской группировки в Чечне станут

воспринимать в качестве боевиков или ближайших их родственников вообще всех людей, живущих на не контролируемой пока территории.

Вследствие этого удары будут наноситься без разбора, погибнут тысячи мирных жителей, а это в свою очередь может вызвать мощное сопротивление со стороны чеченцев, гибель большого числа российских военнослужащих и мирных жителей остальной территории РФ (при контратаках террористов), а в результате — дестабилизацию обстановки в России в целом. И в конечном счете может получиться нечто вроде введения чрезвычайного положения во всей стране.

02.12.1999